

Человек умирает по приказу

*Вспоминаем вместе с критиком
Вадимом Кожинным*

Кто не знает, что великий философ, литературовед, культуролог (всего не перечислишь) Михаил Бахтин был сослан властями в Саранск и прожил там в забвении долгие годы, кажется, совсем похоронившие его самого и его труды. Куда менее известно, что в конце 60-х годов его нашли и привезли в Москву. Главную роль в этом сыграл критик Вадим Кожин, в 60-е годы близкий к диссидентским кругам:

— В конце 50-х годов мне попала в руки книга Бахтина о Достоевском. Книга эта меня потрясла, и я стал у всех кого можно расспрашивать о ее авторе. Мне отвечали: репрессирован, умер. Пока Леонид Тимофеев не опроверг все это: ничего подобного, жив, работает в Саранске. Я послал Бахтину письмо, он ответил, завязалась переписка. Потом я поехал к нему в гости и был по-

трясен встречей. Мы ожидали увидеть человека, вычеркнутого из жизни в 1928 году, угнетенного и подавленного. А увидели такое величие духа...

В 1969 году он вернулся в Москву: говорят, дочь Андропова, влюбленная в работы Бахтина, уговорила отца вернуть философа из ссылки. Его поместили в кунцевскую больницу, где лечились всякие заслуженные партийные деятели. Но чтобы у последних не возникло вопросов, Бахтина лечили в отделении с руководителями просоветских режимов. Однажды я пришел к нему в больницу и вижу: вокруг него сидят три «разноцветных» женщины, жены каких-то руководителей. А он им переводит с английского на испанский, французский и наоборот.

Но через год из больницы пришлось уйти. И Бахтин оказался в доме престарелых, мучился там, пока его не поселили в Доме творчества в Переделкине, а после долгих стараний — в двухкомнатной квартире в Москве. К тому времени уже издавались его книги, он не бедствовал.

Жена его, Елена Александровна, с которой он прожил полвека, умерла в 1971 году. Это был страшный удар для него. Ушел единственный свидетель его молодости, его жизни. Бахтин считал, что человек умирает сам, по приказу центральной нервной системы, и рассказывал мне, что он решил умереть после смерти жены. Но передумал.

Когда он умер в своей московской квартире, медсестра, дежурившая у его постели, сказала, что последними его словами было обращение к жене: «Лёночка, иду к тебе».

Известия. - 2000. - 14 нояб. - с. 12.